

М.В. Довнар-Запольский

**Зарождение министерств в
России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.В. Довнар-Запольский**
Зарождение министерств в России / М.В. Довнар-Запольский – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 84 с.

ISBN 978-5-458-06650-1

Зарождение министерств в России.

ISBN 978-5-458-06650-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мигнѣній и записокъ, поданныхъ Александру I или читанныхъ въ Сенатѣ, Непремѣнномъ Совѣтѣ или Неофициальномъ Комитетѣ. Александръ I выражалъ свое петербургское желаніе реформировать „безобразныя изданія нашего управленія“, уничтожить „деспотизмъ нашего правленія“, — какъ онъ тогда любилъ выражаться, — и установить въ Россіи формы „истинной монархіи“ *). Около юнаго государя сплотились представители культурной части тогдашняго общества и администраціи. Но этотъ кругъ лицъ былъ весьма неоднороденъ по своимъ взглядамъ и не ко всѣмъ Александръ I питалъ одинаковое довѣріе. Ближе всего къ государю стоялъ небольшой кружокъ его личныхъ друзей, съ которыми онъ, еще будучи великимъ княземъ, дѣлился своими впечатлѣніями и мечтами. Это были Н. Н. Новосильцовъ, графъ В. П. Кочубей, гр. П. А. Строгановъ, полякъ князь Адамъ Чарторыйскій. Этотъ кружокъ въ тогдашнемъ обществѣ получилъ названіе кружка „молодыхъ людей“, хотя молодость нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма относительна. Кочубей, быстро сдѣлавшій карьеру въ царствованіе Павла, достигъ къ тому времени почти 33-лѣтняго возраста, старше его былъ Новосильцовъ. Строгановъ и Чарторыйскій, дѣйствительно, были почти сверстники Александра I. Всѣ эти лица пользовались полнымъ довѣріемъ государя.

По предложенію Строганова, государь образовалъ такъ называемый Неофициальный Комитетъ, въ который вошли, кромѣ Строганова, Новосильцовъ и Чарторыйскій, затѣмъ сюда же былъ приглашенъ и графъ Кочубей. Въ этомъ комитетѣ предполагалось выработать планъ реформъ. Къ этому кружку фактически

*) Подъ „истинною“ тогда разумѣли конституціонную монархію.

принадлежалъ и Лагарпъ; не участвуя въ засѣданіяхъ, онъ, однако, представлялъ свои записки, мнѣнія, часто видался съ государемъ и оказывалъ на него сильное вліяніе. Это была одна партія. Другая партія, партія „старыхъ дѣльцовъ“, какъ тогда ее называли, или вѣрнѣе Сенатская (по основной своей идеѣ), состояла изъ дѣльцовъ еще Екатерининскаго времени—графовъ А. Р. и С. Р. Воронцовыхъ, Д. П. Троицкаго, Н. С. Мордвинова, Завадовскаго, Валерьяна Зубова и мн. др.; они не были сплочены. Александръ I не очень довѣрялъ этимъ лицамъ, но пользовался ихъ опытомъ и службою. Обѣ партіи неодинаково смотрѣли на сущность реформъ, хотя обѣ сознавали настоящую ихъ необходимость. Различіе во взглядахъ, а еще болѣе старая привычка придворныхъ соперничать изъ-за вліянія на государя возбуждали въ обѣихъ партіяхъ соперничество, непріязненное и даже презрительное отношеніе другъ къ другу. Мнѣнія, высказанныя обѣими партіями, отражаютъ желанія тогдашняго общества. Въ виду симпатій государя всѣ выгоды были на сторонѣ молодыхъ его друзей.

Партійная борьба, которая существовала между членами Неофіціального Комитета и Сенатскою партіей, оставила свой слѣдъ на пониманіи той роли, которая принадлежала той и другой. Современники мало знали „молодежь“, но вообще относились къ ней крайне неблагопріятно. Въ отзывѣ Державина, называвшаго ихъ „якобинской“ шайкой, много личной вражды и видно полное отсутствіе у поэта знакомства съ людьми и ихъ идеалами. Можно бы не придавать большого значенія отзыву Карамзина, высказывавшаго столь противоположные взгляды; но и отзывы болѣе либеральныхъ современниковъ часто говорятъ не въ ихъ пользу; таковъ, напр., отзывъ Дмитріева¹⁾. Конечно, историкъ, интересуясь отзывами тѣхъ или иныхъ со-

временниковъ, не долженъ на нихъ всецѣло опираться, помня свою обязанность строить выводы на болѣе объективныхъ данныхъ. Дѣйствительно, почти все авторы, трактовавшіе объ этой эпохѣ, вынесли совершенно обратное впечатлѣніе объ исторической роли обѣихъ партій. Партію молодыхъ рисуютъ какъ партію реформъ, пропитанную западно-европейскими идеями; Сенатскую партію рисуютъ какъ партію застоя или какъ людей, исключительно преслѣдующихъ личныя цѣли; въ рѣдкихъ случаяхъ, высказывая полную симпатію членамъ Комитета, отмѣчаютъ отсутствіе у нихъ обдуманной программы ¹⁾.

Вообще наиболѣе распространенное мнѣніе не щадитъ красокъ для идеализаціи кружка молодыхъ людей, собравшихся вокругъ императора. Они являются воспитанными на идеяхъ французской философіи. „Старшія поколѣнія были не особенно расположены къ идеальнымъ увлеченіямъ и, напротивъ, больше отличались эгоистическимъ хладнокровіемъ, которое тонкости французскихъ нравовъ и гуманность французской философіи спокойно мирило съ остатками грубаго варварства въ русскихъ нравахъ. Но естественно, что въ новыхъ поколѣніяхъ дѣйствіе этихъ идей принимало иной характеръ. Извѣстный тонъ цивилизаціи уже вошелъ въ жизнь, когда начиналось ихъ нравственное воспитаніе, и они сдѣлали новый шагъ въ этомъ направленіи. Они принимали эти идеи искреннѣе и, въ виду противорѣчія ихъ съ жизнью, не остались равнодушны, а, напротивъ, искали разумнаго исхода, старались дать новымъ понятіямъ мѣсто въ жизни“ ²⁾.

По мнѣнію того же цитируемаго автора, этотъ кружокъ получилъ блестящее образованіе и все они „представляютъ много сходнаго и въ воспитаніи и въ общественныхъ понятіяхъ“ ³⁾. Однимъ словомъ, если сравнить молодыхъ совѣтниковъ Александра съ старыми

дѣльцами, то „по содержанію понятій, которое представляли эти люди, мы должны будемъ не только не попрекать совѣтчиковъ Александра, но поставить ихъ гораздо выше множества разныхъ министровъ и приближенныхъ, какіе бывали у насъ въ XVIII и XIX ст.“¹⁾ Это, утверждаютъ, были „образованнѣйшіе люди, съ возвышенными и благородными идеями и чувствами“²⁾.

Неудивительно поэтому, что люди съ такими взглядами ставили широкую программу реформъ, завершеніе которой должно состоять въ „такомъ государственномъ устройствѣ, которое опредѣляло бы закономъ кругъ дѣйствія верховной власти и, слѣдовательно, извѣстнымъ образомъ ее ограничивало и въ которомъ впоследствии должно было играть извѣстную роль представительство“³⁾. Думается, однако, что такого рода характеристика далеко не можетъ быть подтверждена фактами. Противники кружка, люди дѣльцы и практичные, во многомъ были правы въ своей нелестной характеристикѣ.

Въ обильномъ историческомъ матеріалѣ, оставленномъ намъ эпохой и говорящемъ о дѣятельности этого кружка, нѣтъ слѣдовъ серьезной работы его членовъ, нѣтъ обычнаго матеріала, составляющаго работу государственныхъ людей,—проектовъ, мѣній, записокъ. Мемуары Строганова и Чарторыйскаго изобилуютъ общими мѣстами⁴⁾. Еще болѣе блѣдны практическіе результаты дѣятельности Неофициальнаго Комитета. И эту безрезультатность нельзя сваливать на нерѣшительность Александра I ему нечего было утверждать, потому что членами Комитета не было выработано проектовъ, не было постановлено сколько-нибудь опредѣленнаго плана работъ.

Отъ молодыхъ людей, проникнутыхъ идеями французской революціи, можно было ожидать иного способа

дѣйствій,—быть-можетъ, мало обдуманнаго, но болѣе широкаго и торопливаго.

Сказанное легко оправдать, если приемотрѣтся поближе и къ людямъ и къ высказаннымъ ими идеямъ. Правда, по словамъ князя Чарторыйскаго, члены Комитета были связаны дружбою; но едва ли это не дружба людей, основанная на противоположности характеровъ. Въ Неофициальномъ Комитетѣ сошлись: англomanъ и крѣпостникъ—Новосильцовъ, французomanъ, поклонникъ Мирабо,—Строгановъ и полякъ, иностранецъ для Россіи,—Чарторыйскій. Къ нимъ присоединился осторожный царедворецъ, вышедшій изъ опытной школы Безбородки, графъ Кочубей,—un homme commode, какъ выражались о немъ лица, хорошо его знавшія¹⁾. Къ этому надо присоединить бывшаго члена правительства Гольветической республики Лагарпа, игравшаго очень недвусмысленную роль при своемъ воспитанникѣ. Онъ даже возставалъ противъ расширенія правъ Сената, усматривая въ этомъ уменьшеніе прерогативъ власти. Вообще Лагарпъ совѣтовалъ Александру не поддаваться политическимъ увлеченіямъ и сохранить власть твердую и непоколебимую; онъ совѣтовалъ даже осторожность въ крестьянскомъ дѣлѣ²⁾. Чарторыйскій поэтому весьма вѣрно опредѣлилъ Лагарпа, какъ фразера³⁾.

О Кочубей, пользовавшемся въ кружкѣ наибольшимъ вліяніемъ и много выигрывавшемъ своимъ опытомъ въ административныхъ дѣлахъ и скрытностью, встрѣчаемъ цѣлый рядъ весьма нелестныхъ показаній. Чарторыйскій его хорошо зналъ. Онъ отмѣчаетъ, что Кочубей отличался практическими познаніями, но не имѣлъ глубокихъ свѣдѣній. Не обладая глубокимъ умомъ, онъ отличался мягкимъ характеромъ и доброю, соединенною съ искренностью, что обыкновенно „не встрѣчается среди русскихъ“. Кочубей былъ очень

жаденъ къ служебнымъ отличіямъ и богатству. Въ особенности важно его замѣчаніе о томъ, что Кочубей не имѣлъ опредѣленныхъ мнѣній, охотно увлекаясь модными идеями, въ особенности, если онѣ высказывались сверху: „Съ нами онъ вдавался въ либеральныя разсужденія, хотя всегда съ нѣкотораго рода оговорками, потому что этого рода убѣжденія не согласовались съ его собственными¹⁾“. Впрочемъ, если бы мы не довѣряли многочисленнымъ свидѣтельствамъ о скрытности, самолюбіи и тщеславіи²⁾ этого государственнаго человѣка, то въ его собственныхъ письмахъ мы найдемъ признаніе, весьма характерное для государственнаго дѣятеля. Кочубей былъ очень огорченъ, проявленіемъ противъ него гнѣва императора Павла и писалъ своему покровителю графу С. Р. Воронцову: „По второму, вопрошаю, натурально ли, чтобъ кто-либо вздумалъ критиковать рѣчи или поступки государевы? Натурально ли, чтобъ наружность моя, которая въ продолженіе пяти мѣсяцевъ всегда угодною была, вдругъ перемѣнилась на тридцать первомъ году отъ роду моего? Натурально ли полагать, что ежели бы и не показалось мнѣ что-нибудь: довольно видѣлъ я свѣту, дабы не показать того“³⁾. До насъ мало дошло записокъ и мнѣній, характеризующихъ государственныя взгляды Кочубея; но нѣкоторыя записки (за исключеніемъ тѣхъ, которыя написаны Сперанскимъ) оставляютъ не всегда благоприятное заключеніе объ ихъ авторѣ. Съ аргументаціей Кочубея въ защиту министерствъ мы еще встрѣтимся. Здѣсь же замѣтимъ, что въ запискѣ о министерствѣ 1806 г. обращаетъ на себя вниманіе рядъ намековъ и инсинуацій на противниковъ министерства, очевидно, съ цѣлью свести личные счеты; неприятно также читать намекъ на то, чтобы была запрещена въ публикѣ критика этихъ учрежденій. Впрочемъ, его практическія совѣты въ дѣлахъ текущей поли-

тики внутренней¹⁾ и иностранной отличались дѣловитостью²⁾.

Все, что мы знаемъ о Новосильцовѣ, также весьма мало говоритъ въ пользу широты и либерализма его государственныхъ взглядовъ. Съ либерализмомъ мало согласуется податливость Новосильцова въ весьма серьезныхъ вопросахъ. Такъ, ему принадлежитъ проектъ устава о цензурѣ, представленный имъ въ 1804 г. въ Главное Училищное Правленіе; этотъ проектъ имѣетъ образцомъ самый жестокой изъ европейскихъ цензурныхъ уставовъ—датскій; къ счастью, онъ не прошелъ³⁾; Новосильцовъ выказалъ свою гибкость, когда ему, въ 1805 г., поручено было государемъ „секретное наставленіе Комитету высшей полиціи“; этотъ Комитетъ, подъ другимъ названіемъ, воскрешалъ собою Тайную канцелярію. Если Новосильцовъ принялъ обязанности члена Комитета и написалъ для него инструкцію противъ собственнаго убѣжденія,—это не дѣлаетъ чести характеру государственнаго мужа; если это онъ дѣлалъ по убѣжденію, то ему не слѣдуетъ приписывать либеральныхъ стремленій.

Вообще напрасно стараются иногда объяснить дальнѣйшую дѣятельность Новосильцова тѣмъ, что онъ въ послѣдствіи измѣнилъ свои первоначальныя убѣжденія⁴⁾. Онъ былъ либераленъ постольку, поскольку таковымъ долженъ быть министръ при либеральничавшемъ государѣ. Единственный намекъ на общій планъ управленія имперіей, показанный Новосильцовымъ Лагарпу, указываетъ, что и въ пору высшаго своего вліянія на государя онъ далеко отодвигалъ возможность коренныхъ реформъ: предполагалось сначала провести неопредѣленную стадію „подготовки умовъ“ предварительнаго введенія представительнаго правленія⁵⁾. Но и это—только неопредѣленный намекъ.

Безспорно, Строгановъ былъ искреннѣе двухъ своихъ старшихъ сотоварищей. Онъ во многихъ отношеніяхъ выгодно отличался отъ обоихъ. Строгановъ прекрасно понималъ отрицательныя стороны крѣпостного права и самымъ настойчивымъ образомъ совѣтовалъ стать на путь освобожденія. Несомнѣнно также, онъ опредѣленнѣе и настойчивѣе другихъ своихъ друзей стремился къ выработкѣ общаго плана реформъ, не откладывая его на очень отдаленное время. Но записки о планѣ реформъ, поданныя имъ государю, указываютъ на крайнюю незрѣлость мысли, отсутствіе политическихъ проблемъ. Это русскій баринъ, болѣе занятый приготовленіями къ дѣлу, чѣмъ настоящимъ дѣломъ. Не къ чести всѣхъ троихъ можетъ служить и тотъ фактъ, что всѣ они продолжали службу и послѣ того, какъ основы русской внутренней политики вошли въ другое русло.

Наиболѣе вызываетъ къ себѣ уваженія князь Адамъ Чарторыйскій. Онъ неохотно принялъ мѣсто товарища министра иностранныхъ дѣлъ; но онъ тотчасъ же просилъ увольненія въ выраженіяхъ, достойныхъ государственнаго мужа, когда замѣтилъ, что его совѣтами не пользуются ¹⁾. Русскіе историки не могутъ ему простить того, что онъ не забывалъ о Польшѣ; но это обстоятельство можетъ служить только въ пользу князя Адама, тѣмъ болѣе, что онъ заботился о Польшѣ открыто.

Такимъ образомъ, весьма многое говорить не въ пользу части молодыхъ „идеалистовъ“. Но если прислушаться къ тому, что говорилось въ Неофициальномъ Комитетѣ, то недовѣріе возрастаетъ еще больше. Достаточно взять нѣсколько вопросовъ, капитальныхъ для тогдашней русской дѣйствительности, и посмотреть, какъ къ этимъ вопросамъ относились члены Комитета: надо только помнить, что протоколы Коми-

тета — самый объективный источникъ. Такъ, С. Р. Воронцовъ составилъ, по повелѣнію государя, коронаціонный манифестъ, гдѣ высказывалось нѣсколько весьма либеральныхъ обѣщаній и, между прочимъ, была статья о личной неприкосновенности (*habeas corpus*). Новосильцовъ возсталъ противъ этой статьи, указывая на то, что правительство иногда, быть-можетъ, будетъ вынуждено ее нарушать, и въ такомъ случаѣ лучше не давать обѣщанія. Въ концѣ-концовъ грамота такъ и не была утверждена государемъ¹⁾. Самый ягучій въ то время—крестьянскій вопросъ не былъ ясенъ для большинства членовъ Комитета. Такъ, по поводу одного случая, сотрудники государя выразили мнѣніе, что „внезапное ограниченіе помѣщичьей власти могло подать поводъ къ неповиновенію крестьянъ и къ большимъ беспорядкамъ. Е. В., повидимому, почувствовалъ силу такихъ доводовъ“. Когда, по почину Мордвинова, поддержаннаго Лагарпомъ, въ Комитетѣ заговорили о безправномъ положеніи крестьянъ и вообще низшихъ классовъ населенія, и когда государь, соглашаясь съ Мордвиновымъ на разрѣшеніе недворянамъ покупать землю, предлагалъ дозволить мѣщанамъ покупать крестьянъ, то члены Комитета высказались противъ послѣдняго предложенія; однако они поддержали проектъ разрѣшенія покупки земель разночинцами. Когда же государь предложилъ на обсужденіе проектъ Зубова о запрещеніи продажи людей безъ земли и о расписаніи дворовыхъ людей по цехамъ, то члены Комитета указали на рядъ затрудненій при исполненіи этой мѣры; собственнаго плана ни у кого изъ нихъ не оказалось. Новосильцовъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Зубова, указывалъ на финансовыя затрудненія при выкупкѣ дворовыхъ и въ особенности на то, что весьма трудно устроить выкупленныхъ людей. Ему представлялось два исхода: или

переселеніе дворовыхъ, что стоитъ очень дорого и что совершается такъ дурно, или, что дворовые, послѣ выкупа, сдѣлаются бездомными бродягами. Какъ будто переходъ дворовыхъ въ казенные крестьяне быть невозможенъ! Еще замѣчательнѣе, что тотъ же Новосильцовъ запугивалъ государя проявленіемъ неудовольствія въ обществѣ по поводу слуховъ о склонности государя къ освобожденію крестьянъ и по поводу мѣръ, которыя къ этому клонились бы. Государь, казалось, началъ колебаться. Правда, другіе члены Комитета старались утвердить государя въ мысли о необходимости улучшить положеніе крестьянъ. Интересно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по вопросу о Ливонскихъ крестьянахъ, Новосильцовъ уже поддерживалъ мѣры, клонящіяся къ освобожденію крестьянъ¹⁾.

Все это указываетъ на то, что члены Комитета не имѣли опредѣленныхъ убѣжденій въ важнѣйшихъ вопросахъ русской дѣйствительности и—главное— въ средѣ самихъ членовъ не было согласія въ вопросахъ, достаточно ясныхъ для либерально настроенныхъ людей той эпохи. Но мы только что видѣли, что членамъ Комитета приписываютъ желаніе провести рядъ широко задуманныхъ реформъ. Это, конечно, самый капитальный пунктъ. Но и въ данномъ случаѣ замѣчается та же неопредѣленность во взглядахъ членовъ, отсутствіе программы, отсутствіе дѣйствительной работы, нѣтъ, наконецъ, реальныхъ слѣдовъ многолѣтней работы. Между прочимъ, князь Чарторыйскій сообщаетъ подробность довольно комическаго свойства: Новосильцовъ завелъ себѣ спеціальнѣйшій департаментъ *faiseurs de projets*, состоявшій изъ нѣсколькихъ „талантливыхъ людей“, большею частью авантюристовъ весьма сомнительной честности, — изъ тѣхъ, которые наплывали въ Россію при началѣ всякаго новаго царствованія²⁾.